

Феодор

Св. пророк Даниил

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф42

Ф42 **Феодор**
Св. пророк Даниил / Феодор – М.: Книга по Требованию, 2022. – 194 с.

ISBN 978-5-518-09833-6

ISBN 978-5-518-09833-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ствѣ за Пророка, будучи не въ силахъ спасти его... Нелѣпость язычества здѣсь уже не прикрыта никакою личиною или обольстительнымъ призракомъ, и слѣдовательно язычество уже доходило до такой безжизненности, что не давало и ложнаго удовлетворенія религіознымъ потребностямъ человѣка. Близко было время распаденія язычества (*). Неудовлетворенный и неуспокоиваемый въ самыхъ существенныхъ потребностяхъ своихъ, духъ человѣческой естественно долженъ былъ въ мірѣ языческомъ предаваться или закоснѣнію духовному, или же тяжелымъ недоумѣніямъ.

Внѣшнія судьбы и перевороты языческаго міра тѣмъ болѣе располагали къ недоумѣннымъ размышленіямъ. Еще недавно, по праву силы и насилія, Ассиріане преобладали надъ народами; по тому же праву, преобладаніе ихъ подавилъ и на мѣсто его распростеръ свой деспотизмъ надъ міромъ — царь Вавилонскій; этотъ послѣдній, въ свою очередь, при Давилѣ же долженъ былъ уступить деспотическое преобладаніе надъ міромъ Персидскому завоевателю. Судьбами царствъ и народовъ распоряжались и помыкали сила человеческая и произволь имѣющихъ силу. И такъ, что же послѣ этого міръ сей? Что значитъ вся судьба и жизнь

(*) Такъ было на Востокѣ. Элласское язычество еще имѣло силу очарованія для обольщаемыхъ имъ, но, чуждый духу восточнаго благоговѣнія въ вѣрованіяхъ, аллинизмъ едва ли не глубже, чѣмъ восточное язычество, былъ подкопанъ въ своихъ религіозныхъ основаніяхъ.

человѣческая? Какой смыслъ и послѣдствія всего бывающаго въ мѣрѣ? Эти вопросы должны были, и въ самомъ язычествѣ, невольно занимать и волновать, по крайней мѣрѣ, высокія души. Такъ, именно великій завоеватель Вавилонскій предавался недоумѣніямъ и размышленіямъ о томъ: что же будетъ за всѣмъ этимъ? Къ чему идетъ или ведется настоящій порядокъ вещей? *Помышленія твоя на ложи твои въздоша*, говорилъ ему Даніиль, *чесому подобаетъ быти по сихъ* (*) (Дан. 11, 29). И такъ языки, по крайней мѣрѣ въ лицѣ высшихъ своихъ представителей, начали съ тоскою ощущать свое удаленіе отъ истины и недоумѣвать о своей судьбѣ.

Въ такомъ состояніи язычниковъ,—если они въ самомъ дѣлѣ не были оставляемы рѣшительно на произволъ случая и свой собственный, а напротивъ были готовымы Промысломъ къ лучшему,—благовременно и потребно было съ силою напомнить имъ объ истинномъ Божествѣ, о владычествующей всѣми царствами и царями небесной Державѣ, возвѣстити объ опредѣленномъ и грядущемъ спасеніи всего міра.

Что касается до Іудеевъ,—они тогда были подъ великимъ гнѣвомъ Божиимъ, были внѣ земли обѣтованной, безъ храма и жертвъ, подъ игомъ ино-

(*) Что этотъ вопросъ: *чесому подобаетъ быти по сихъ*, не должно понимать въ смыслѣ одного празднаго любопытства о будущемъ, это очевидно изъ того, что отвѣтомъ на этотъ вопросъ было великое Божественное откровеніе, данное Навуходносору.

племенной власти. Это должно было возбудить Иудеевъ отъ духовнаго усыпленія, котораго до толѣ ничто не могло разогнать. И какъ отъятіе дорогаго, но злоупотребляемаго или пренебрегаемаго, предмета обыкновенно заставляеть уже съ любовію стремиться къ нему и жалѣть о немъ: такъ разрушеніе сѣновнаго устройства церковнаго, затемненнаго собственнымъ его ветшаніемъ и пороками избраннаго народа, могло болѣе или менѣе оживить для вѣры спасительное значеніе этой законной сѣни. Дѣйствительно, извѣстная пѣснь плѣнниковъ Вавилона: *на рыкахъ Вавилонскихъ тамо съдохомъ и плакахомъ, вегда помянути намъ Сиона*, — прекрасно выражаеть мысль объ Иерусалимѣ, какъ живо еще представляющемъ собою, для вѣры, небесную отчизну. Но возбужденной вѣрѣ въ обѣтованную благодать, предъявляемую въ ея образныхъ видахъ и проявленіяхъ, сейчасъ же потребны соотвѣтственная пища и опора; между тѣмъ сѣновное устройство церковное представляло пока однѣ почти развалины. Посему требовалось, чтобы избранному народу, и въ плѣну его, видна была непоколебимая держава Всевышняго Царя Израилева, и чтобы, въ замѣнъ отъятыхъ у Иудеевъ залоговъ грядущей благодати, было предложено вѣрѣ новое удостовѣреніе въ непреложности обѣтованій благодати.

Правда, еще и прежде, при затемнѣніи значенія образовъ ветхо-завѣтныхъ, были даны церкви (особенно чрезъ Исаію) многія почти Евангельскія откровенія о разныхъ тайнахъ и событіяхъ Христова пришествія и царства. Но надобно сказать, что у

прежнихъ пророковъ торжество грядущаго Христа, имѣвшее открыться образно въ избавленіи Іудеевъ отъ Вавилонскаго плѣна, и будущее явленіе лично Его самаго представляются на одной общей картинѣ и нерѣдко черты того и другаго сливаются въ одинъ образъ (Почему это было, мы ужъ (*) знаемъ). Теперь, если, по Апостолу, и сами святые пророки въ точности не знали, а только испытывали, на которое и какое время указывалъ въ нихъ Духъ Святой, глаголавшій о Христовыхъ тайнахъ (I Петр. 1, II): то тѣмъ болѣе для прочихъ членовъ церкви было недовѣдомо, вмѣстѣ ли съ избавленіемъ ихъ отъ Вавилонскаго плѣна или еще когда либо въ дальнѣйшихъ за тѣмъ временахъ—вполнѣ откроется пришествіе Христова и вообще обѣтованная Христова благодать. Должно сказать еще болѣе:—Соединеніе у пророковъ предсказаній объ избавленіи Іудеевъ отъ плѣна силою Христовою и о явленіи самаго Христа естественно располагало къ ожиданіямъ явленія обѣтованнаго Христова царства, именно, вмѣстѣ съ концемъ плѣна. Но вотъ этотъ плѣнъ, во время Даніила же, оканчивался; между тѣмъ, съ самымъ возвращеніемъ Іудеевъ изъ плѣна, не только не являлась обѣтованная благодать, но даже и самое сѣновное ееократическое устройство, въ своемъ возстановленіи послѣ бѣдствій плѣна, было много бѣднѣе и блѣднѣе прежняго. Одна за другой слѣдовали, почти всемірныя по тому времени, монархіи, и Израилю

(*) См. статью „Пророкъ Исаія.“

не возможно было имѣть даже гражданской независимости. Избранный народъ, наследникъ всемирныхъ обѣтованій, долженъ былъ раздѣлять общую участь современныхъ народовъ и царствъ, — быть предметомъ насилія и деспотическаго произвола преобладателей, и по своей внѣшней ничтожности онъ даже менѣе, нежели иной народъ, могъ надѣяться когда нибудь совершенной самостоятельности. Слѣдовательно, прежнія столь обильныя и свѣтлыя пророчества о временахъ благодати, не довольно раздѣленные у пророковъ отъ предсказаній о концѣ Вавилонскаго плѣна, не только не облегчали тогдашняго великаго испытанія для вѣры, но ставали ее еще въ болѣе трудный и тяжкій подвигъ. Это было нѣчто подобное тому, если бы сиротѣ вызывающему къ матери указано было извѣстное мѣсто съ намекомъ на радостное явленіе здѣсь матери, и однако на этомъ мѣстѣ только еще яснѣе оказалось бы бѣдное его сиротское одиночество... не увеличилась ли бы тягость его сиротства чрезъ самыя прежнія обнадеживанія въ свиданіи съ матерью? Что и Ветхозавѣтная вѣра была въ подобномъ тягостномъ положеніи со временъ уже Кира — освободителя Іудеевъ, ясное доказательство тому есть въ книгѣ самаго Даниила. Самъ Пророкъ, бывшій конечно лучшимъ или первымъ изъ вѣрующихъ того времени; вотъ что говоритъ о себѣ: *въ тья дни*, именно уже въ третій годъ Кира, когда, слѣдовательно, Іудеи были уже возвращены въ свою землю съ покровительствомъ имъ царя Персидскаго, и притомъ во дни, назначенные закономъ для тор-

жества пасхальнаго (первыя недѣли перваго мѣсяца), *въ тѣхъ дни азъ Даниилъ бѣхъ рыдая три седмицы дней, хлѣба воздѣльнаго не ядохъ, и мясо и вино не вииде во уста моя, и мастію не помазахся до исполненія трехъ седмицъ* (10, 2. 3). Такъ-то, въ такомъ-то расположеніи духа, былъ Пророкъ при концѣ плѣна, предрекая который прежніе пророки только предавались восторгу, восхпшаясь къ созерцанію самой Христовой благодати! Въмѣсто предреченнаго явленія свѣтоноснаго ея лица съ окончаніемъ плѣна, Даниилъ мысленно видѣлъ свой народъ—этотъ сонмъ избранныхъ, по обѣтованію, чадъ Божіихъ, состоящимъ подъ зависимостію отъ Боговраждебнаго языческаго міра, немѣющимъ достаточной силы и безопасности возстановить Святый градъ и храмъ, озлобляемымъ на своемъ священномъ наслѣдіи—въ землѣ обѣтованной отъ недостойныхъ пришельцевъ Самаріи. Самый праздникъ пасхи, напоминая еще древнее славное избавленіе отъ Египетскаго плѣна, только усиливалъ въ Пророкѣ скорбное чувство настоящаго жалкаго и стѣсненнаго положенія избраннаго народа, какое продолжалось и по возвращеніи изъ Вавилонскаго плѣна,—хотя прежніе пророки, напримѣръ Исаія, провидя окончаніе этого плѣна черезъ Кира, съ восторгомъ указывали притомъ и на открытіе въ Израилѣ благодатнаго Царства Божія. Удивительно ли, что Даниилъ, вмѣсто радости пасхальнаго праздника, — *въ тѣхъ дни бѣ рыдая три седмицы дней и не вкушалъ хлѣба воздѣльнаго и проч?*

Въ такихъ мракахъ вѣры крайне потребенъ былъ для церкви свѣтъ новыхъ откровеній о грядущей благодати. Именно требовалось для вѣры, чтобы обътованная область благодати и спасенія была по яснѣе прежняго разграничена отъ обстоятельствъ Вѣтхо-Завѣтной гражданской еократіи: такъ какъ, собственно отъ недостатка такого рѣзграниченія, у прежнихъ пророковъ, и происходило теперь особое затрудненіе для вѣры. Потребно было дать церкви опредѣленное и обстоятельное путеводство на все время упадка древле процвѣтавшей еократіи: иначе же при упадкѣ или униженіи сѣсновнаго еократическаго порядка вещей, когда притомъ прежнія „пророчества“ о грядущемъ Христовомъ Царствѣ могли казаться относящимися къ этому самому времени послѣ плѣна Вавилонскаго, — Вѣтхо-Завѣтная вѣра необходимо оставалась бы безъ твердой опоры и на самыхъ темныхъ распутіяхъ.

Наконецъ вообще состояніе тогдашняго человѣка было таково, что во I-хъ, человѣкъ уже не успокоивался на одномъ непосредственномъ познаніи предметовъ и на преданіи, но начинала уже въ немъ пробуждаться потребность дознавать предметы отчетливою мыслию, рождались вопросы любознательные. Доказательствомъ тому — служить не только духовное любовѣдѣніе, видное въ Даниилѣ, но и то, что даже Навуходоносоръ задавалъ себѣ вопросы о дѣлахъ и судьбахъ міра. Это требовало такого Божественнаго руководства, которое отчасти и было бы преподаваемо по вопросамъ самаго человѣка, отчасти давало бы ему самому вы-

водить изъ своихъ внушеній должные и нужные результаты или примѣненія. Такому предназначенію духовной самодѣятельности въ спасаемомъ человѣкѣ естественно было обозначаться, предъ окончаніемъ Ветхо-Завѣтнаго воспитанія этого человѣка, какое было дано ему подъ непосредственнымъ руководствомъ Божіимъ. Во 2-хъ, человѣкъ еще и въ естественномъ состояніи не вовсе лишился способности и пріемлемости къ начавшимся въ Эдемѣ и по паденіи отчасти продолжавшимся нагляднымъ, доступнымъ для чувствъ, явленіямъ изъ міра горняго: доказательство тому представляютъ Божественныя откровенія и явленія, бывшія по свидѣтельству Даниловой книги и язычникамъ. Впрочемъ, земнородное естество, вѣкогда свѣтло отражавшее Божественныя и духовныя предметы, теперь является уже столь далекимъ отъ этихъ послѣднихъ, что и великій Пророкъ при явленіяхъ изъ духовнаго міра трепеталъ до крайняго изнеможенія, продолжавшагося иногда *на дни мнози* (8, 27). Такое состояніе человѣка дѣлало возможнымъ и привлекало къ спасаемому человѣку Божественное руководство—правда, еще на Ветхо-Завѣтныхъ пачалахъ, но уже одно изъ послѣднихъ и заключительныхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, — такое руководство, которое точнѣе опредѣляло бы отношеніе къ земному небснаго и духовнаго.

И такъ великому Пророку Даниилу, по его времени, подлежало вообще такое великое пророческое поприще. Относительно міра языческаго, ему подлежало быть созердателемъ и истолкователемъ,

или самымъ органомъ небеснаго напоминавiя язычникамъ объ истинномъ Богѣ и Владыкѣ всего мiра и о грядущемъ всемирномъ Царствѣ Его благодати. Для плѣннаго же Божiя народа онъ долженъ былъ явиться непоколебимымъ ничѣмъ орудiемъ и провозвѣстникомъ Державы Всевышняго Царя Израилева, благовѣстникомъ непреложнаго спасенiя, неограничиваемаго предѣлами и условiями сего мiра и сей жизни, путеводителемъ ихъ чрезъ свои пророчества на все примрачное время упадка древней еоократiи. И притомъ его назначенiе было такое, чтобы быть однимъ уже изъ послѣднихъ служителей Вѣтхо-Завѣтнаго воспитанiя человѣчества, — такимъ, который предназначалъ бы уже духовное разумѣнiе, свойственное Ново-Завѣтнымъ временамъ, и яснѣе открывалъ бы значенiе для земли небеснаго и благодатнаго.

—

Особенныя духовныя свойства Даниiла и вѣдшiя обстоятельства его жизни.

Даниiль, по своимъ личнымъ достоинствамъ и по своимъ положенiю и обстоятельствамъ въ жизни, совершенно соотвѣтствовалъ своему высокому и многостороннему пророческому назначенiю.

Онъ происходилъ изъ знаменитаго рода въ Иудейскомъ племени — или изъ вельможескаго или даже изъ царскаго (смотри Дан. 1, 3. 6); отличался превосходными дарованіями и способностями, и въ особенности любознательнымъ и обширнымъ умомъ (ст. 4). Онъ взятъ былъ въ плѣнъ еще прежде разоренія Іерусалима и въ цвѣтущей юности. Впечатлѣнія крайняго упорства и нечестія Іудеевъ тогдашняго времени не могли еще преогорчить души его, какъ то видно напр. въ Іереміи и Іезекіилѣ. Но грозные суды Божіи, совершавшіеся надъ избраннымъ народомъ, должны были сильно дѣйствовать на юную размышляющую душу, глубоко смирать ее предъ Богомъ и исполнять живымъ участіемъ въ бѣдствіяхъ отечества. Поэтому, конечно, Прор. Іезекіиль и поставляетъ Даніила въ рядъ праведниковъ — ходатаевъ за грѣшныхъ. Въ Вавилонѣ плѣнный юноша, вмѣстѣ съ тремя подобными ему товарищами, вскорѣ былъ отличенъ по своимъ нообыкновеннымъ достоинствамъ и избранъ, по распоряженію царскому, къ придворному назначенію. Трехгодичное высшее воспитаніе, при царскомъ дворцѣ, давало пищу его любовѣдвію и служило къ раскрытію его обширныхъ умственныхъ способностей (ст. 17); а жизнь и постоянное обращеніе между язычниками давали случаи къ подвигамъ вѣры и вѣрности отечественному закону Божія народа (ст. 8—16), — такъ, напримѣръ, Даніиль, съ тремя своими товарищами, не хотѣлъ принимать пищи и съ царскаго стола, чтобы не